

О.Н. Новикова

США и НАТО. (Обзор) *The USA and NATO. (Review)*

После окончания холодной войны стало появляться множество работ, в которых предпринимались попытки выявить, каким образом кардинальные изменения международной ситуации отражаются на трансатлантическом партнерстве.

Точка зрения «реалистов» заключалась в том, что отсутствие советской угрозы обрекало Альянс на быструю кончину. Либералы, напротив, предсказывали, что с самороспуском Организации Варшавского договора НАТО обретет новое дыхание. Кажется бы, либералы оказались правы, ибо вовремя нашлись новые цели, например, приобщение бывших коммунистических стран к либеральным ценностям. И здесь едва слышны голоса «реалистов», считающих, что трансформация НАТО является результатом совокупности фактов, обусловленных стратегической необходимостью. Широкое распространение получило мнение тех теоретиков международных отношений, особенно европейцев, которые полагают, что в результате Альянс превратился в нечто близкое к сообществу государств, объединенных общими ценностями, общей политической экономией, общими взглядами на международную политику. Среди либеральных исследователей речь идет о торжестве космополитизма в лоне

военно-политического блока. Олицетворением космополитизма многим европейцам казался президент Клинтон. Они не сразу стали осознавать тревожный факт наличия пропасти в военных возможностях США и Европы в условиях беспрецедентного роста американской мощи. И тогда еще не все европейцы осознавали, что У. Клинтон своеобразными методами продолжал дело всех американских президентов XX в., а именно – расширение американской империи.

Когда закончилось президентство Клинтона, трансатлантические отношения казались благополучными. Что же изменилось? Напрашивается одно объяснение. Президент Дж. Буш и его окружение, а именно Д. Чейни, Д. Рамсфельд, П. Вулфовитц и Р. Перл вознамерились освободить Америку от пут мультилатерализма и восстановить американскую мощь после восьми лет политики, которую они считали пассивной. В свое время другой республиканец – Р. Рейган полагал, что политические враги внутри государства препятствуют росту внешнеполитического влияния США. Нынешние неоконсерваторы считают, что усилия нации должны быть направлены на борьбу с добровольными ограничениями, «навязанными» Америке международным сообществом, а задача заключается не в том, чтобы выиграть холодную войну (это уже было сделано при Рейгане), а в том, чтобы осуществить тот реальный шанс подчинить своему влиянию весь мир, который возник после 1989 г., но которым американские лидеры, по их мнению, не смогли до конца воспользоваться. Надо было наверстать упущенное. Американцы предвидели негативную реакцию Европы, но прекрасно понимали, что она располагает весьма ограниченными возможностями для того, чтобы реагировать жестко. А самое главное – Европа как регион стала для США относительно менее значима, чем ранее. И вот почему.

Во внешней политике США произошло смещение акцентов. Ранее американские геополитические интересы концентрировались в основном на Европе в связи с тем, что через нее пролегла граница противостояния с социалистическим лагерем. Сейчас районы, куда направлены взоры американской дипломатии, – это Центральная Азия, Закавказье и, прежде всего, подступы к Индии и Китаю – Афганистан и Иран, а также Ирак (см.: 10). В связи с новыми геополитическими целями у США появилась заинтересованность в трансформации НАТО. То есть придание НАТО нового качества

зависит от новых задач организации, которые носят геополитический характер. Достижение новых стратегических целей определяет расширение как зоны ответственности НАТО, так и ее состава. Увеличение числа стран-участниц происходит не только потому, что НАТО уступает просьбам о приеме новых членов, но и в связи с глобализацией внешнеполитических устремлений США.

При рассмотрении процесса расширения НАТО у некоторых западных ученых, например А. Айзенберга, появляется опасение, не превратится ли организация в связи с этим в «рыхлое сообщество» дружественных западных правительств, потерявшее свою институциональную основу (9, с. 641). Действительно, быстрое увеличение числа участников не может не повлиять на реальные военные возможности НАТО, появляются признаки аморфности и несогласованности. Не исключено, что НАТО будет представлять собой военно-политическую ассоциацию, включающую группы и блоки государств с различным уровнем интегрированности.

Представляется, что один из вариантов развития НАТО – это построение глобальной военно-политической конструкции, в рамках которой может быть создана система группировок различной мощи и значения. Основа НАТО – это блок наиболее развитых стран Европы и Северной Америки. Страны Восточной Европы в данной системе очень долго не смогут рассчитывать на равноправное положение и будут оставаться на вторых ролях. Соединенные Штаты приложат все усилия для создания в рамках данной конструкции третьей группы государств, состоящей из большей части стран СНГ. Не исключена возможность создания на Ближнем Востоке и в Северной Африке партнерского блока НАТО.

Конечно, такая огромная система выпадает из-под контроля Европейского союза. Она не может полностью контролироваться и НАТО. Похоже, что американцы осознают эту будущую проблему. Американские военные не могут не выступать за приоритет НАТО-военного института над НАТО-сообществом. Этому есть, конечно, альтернатива – сохранить миф о НАТО, а на самом деле делать настоящую работу в другом формате. Собственно говоря, так США и действовали в последнее время в Афганистане и Ираке. Это свидетельствует об определенной позиции США по отношению к Альянсу. У многих наблюдателей сформировалось мнение, что после со-

бытий 11 сентября у американцев несколько понизилась заинтересованность в нем. И хотя была задействована ст. 5 Вашингтонского договора, США не сделали НАТО главным действующим лицом при проведении антитеррористической кампании. На самом деле в то время как некоторые союзники, а именно Великобритания, сыграли свою роль в военных действиях в Ираке, участие других носило скорее символический характер.

НАТО всегда объединяла неравных партнеров. Но сейчас пропасть между США и остальными членами еще более расширилась, что может повлиять в будущем на сплоченность и само существование Союза: военные действия в Афганистане и Ираке продемонстрировали это с особой очевидностью. Этот фактор не подорвет НАТО – организация представляется ее участникам слишком важной, – но будет способствовать изменению ее характера. Как предупреждал посол США в НАТО Николас Бёрнс, «без решительных действий по ликвидации пропасти в военных возможностях мы окажемся перед реальной перспективой раскола союза на две части» – одна часть будет состоять из того, что лорд Робертсон назвал «военным пигмеем», известным под названием Европа, другая же будет представлена Соединенными Штатами (цит по: 5, с. 275).

Ограниченное участие европейских союзников в военных операциях (за исключением участия в миротворческих и гуманитарных акциях) объясняется не только недовольством американцев процессом принятия решений внутри НАТО во время косовского кризиса в 1999 г., но и недостаточными военными возможностями европейцев. Разрыв в военных возможностях между США и другими членами НАТО становится все шире и понижает шансы союзников на проведение совместных военных операций. Причина разрыва кроется в нежелании большинства европейских правительств (как внутри НАТО и ЕС, так и вне этих организаций) увеличить выделяемые на оборону средства и устранить политические и административные барьеры на пути более эффективного их использования. Ведь не секрет, что в последние годы европейцы сконцентрировались на требующих меньших усилий «Петерсбергских задачах», таких как поддержание мира, в то время как США сфокусировали внимание на расширении своих возможностей по проведению широкого спектра военных операций, включая боевые действия высокой интенсивности в межконтинентальном

масштабе. Для европейских стран толчком к развитию военных потенциалов кризисного регулирования могут явиться опасения по поводу поворота Америки к унилатерализму. Кроме того, при сохранении относительно небольших военных возможностей европейцев в рамках НАТО и ЕС их политическое влияние в Евроатлантическом регионе и за его пределами остается ограниченным. Это также может побудить европейцев к наращиванию своего военного участия.

Однако, имея в виду господствовавший до последнего времени американский подход, характеризующийся опорой на собственные силы, НАТО можно расширять, видоизменять и представлять как гаранта европейской безопасности, но она, без сомнения, может потерять релевантность своим новым глобальным задачам, а потому и жизнеспособность. Безусловно, политическая и идеологическая адаптация НАТО должна сослужить ей хорошую службу, но только высокая боеспособность и эффективность как союза могут утвердить организацию в роли инструмента военной политики США, отличающейся в настоящее время особым наступательным характером. Американская сторона настаивает на том, что европейцы должны обеспечить быстрый рост своих военных возможностей в целях перераспределения ответственности, как это было сделано в области полицейских и разведывательных операций. США выражают готовность облегчить доступ к своим технологиям, объясняя это стремлением модернизировать Европу в военном отношении. На самом деле этот демарш является удачной американской военно-коммерческой инициативой, подразумевающей, что, если европейцы сами не будут такие технологии создавать, они могут их покупать у американцев.

Кроме роста военных возможностей европейских союзников американцы будут стремиться к сближению своей и европейской политики в оценке угроз. Необходимо отметить, что психологическое восприятие угроз у американцев и европейцев различно из-за различных типов стратегической культуры. Они не могут сформировать общее видение этой проблемы, поэтому возникают трудности в процессе выработки единой трансатлантической стратегии. Американцы, осознавая свое военное превосходство, готовы с оружием в руках искоренять угрозу собственным интересам где бы то ни было, всеми возможными способами, с помощью своих союзни-

ков или без нее (12, с. 115). К тому же, европейцы сейчас менее обеспокоены угрозой терроризма, чем прежде – исходившей от Советского Союза опасностью. А американцы требуют от них принять превентивные меры против терроризма внутри страны и за рубежом в качестве доказательства своей лояльности, прозрачно намекая, что иначе будущие свои битвы европейцы будут вести одни.

После холодной войны, еще до осознания серьезности проблемы терроризма (с этой опасностью первыми столкнулись другие государства – например, Израиль и Россия), США продолжали совершенствовать свои военные технологии и системы вооружений. Тогда цель могла быть только одна – подкрепить в военном отношении свое мировое лидерство. Они развивали лазерные и космические технологии, системы точного наведения, создали ультрасовременные силы специального назначения, т.е. модернизировали свои вооруженные силы и придали им большую мобильность.

Европейцы иначе прореагировали на окончание холодной войны. Они сменили свою бывшую стратегию безопасности на политику вовлеченности и дипломатию, направленную на достижение наднационального идеала. Силовые методы проведения политики и увеличение собственных военных возможностей, связанное с проведением данной политики, не вписываются в рамки их восприятия глобализации и интеграции.

Америка оценивает угрозы, основываясь на военных возможностях своих врагов, а Европа учитывает в первую очередь их намерения. Возможно, такая позиция объясняется и тем, что европейцам не хватает мощи и ресурсов. Тем не менее европейцы считают американцев слишком близорукими, чтобы уразуметь возможность проведения политики ненасильственными методами, когда уже взят курс на жесткую линию. И в самом деле, европейцы более склонны посылать свои войска с миссиями по поддержанию мира и оказывать международную помощь развитию. В иерархии ценностей европейской политической культуры в данный исторический период поддержание мира стоит выше наступательной стратегии; интернационализация принципа власти закона – выше национальных интересов; совместное принятие решений всем сообществом – выше независимого подхода, характерного для США; экономические взаимные обязательства – выше военных

соображений; глобальное управление, осуществляемое международными институтами, – выше контроля со стороны единственного гегемона.

Вероятно, это в большой мере объясняется уроками европейской истории. Европейские нации творили разрушения, но и сами становились жертвами во время войн. Они это помнят. Кроме того, делая упор на использовании ненасильственных методов, европейцы надеются избежать обвинений в культурном империализме, который, как многие полагают, и превратил США в мишень для терроризма. Все это объясняет, почему европейцы не воспринимают терроризм как наиболее страшную угрозу. Европа пытается кооптировать потенциальных оппонентов, а Америка – упредить и уничтожить их. Ведь на протяжении своей истории, если вспомнить доктрину Монро, Хиросиму, Вьетнам и т.д., США демонстрировали свою решимость использовать сокрушительную военную силу для защиты как своих насущных, так и весьма широко трактуемых гипотетических интересов. Сохранение безопасности и распространение американских ценностей любыми средствами являются для США высшими приоритетами, и ни один метод не может обеспечить достижение этой цели так надежно, как военная мощь. Моральный аспект методов достижения успеха не рассматривается, а утверждается, что моральной является сама цель деятельности единственной в мире сверхдержавы – распространение либеральной демократии американского образца и защита себя и своих союзников. Однако многие современные исследователи полагают, что США необходимо осознать, что они не могут эффективно выполнять миссию мирового лидера, которую они на себя взяли, опираясь исключительно на жесткие методы проведения внешней политики. Об этом говорит в своей работе Дж. Най (11, с. 239). США должны способствовать развитию международных законов и институтов, которые связывают свободу действий других участников международной политики и создают рамки для сотрудничества. Главнейшим из таких институтов для Америки является НАТО. Американцы начинают осознавать, что в изоляции трудно защищать свои интересы. И большинство европейцев по-прежнему придерживаются мнения, что лучшей гарантией американской защиты для Европы является НАТО. Сейчас трудно представить ситуацию, при которой США сами снимут с себя обязательства в отношении безопасности Европы, прежде всего

потому, что крах Альянса ни в коем случае не соответствует интересам США. Кроме того, такой сценарий невероятен и потому, что все союзники, включая США, стремятся сохранить организацию и приспособить ее к новым реалиям. Кроме того, американское военное присутствие в Европе является все еще важным как для защиты экономических интересов США, так и с точки зрения их влияния на европейскую безопасность и распространения американской гегемонии на Ближнем Востоке и в Азии.

Американцы останутся в Европе еще и потому, что правительства Германии, Дании, Бельгии и Испании сейчас не расположены увеличивать долю своих оборонных расходов до 3% от ВВП. И к этому их не сможет побудить такого рода опасность, как события 11 сентября 2001 г. Что касается Парижа и Лондона, то в случае свертывания обязательств США в Европе они могут сохранить свои ядерные силы под национальным контролем, вложив в них дополнительные средства. И конкурентная борьба между ними за влияние в Европе может обостриться. Еще недавно многие исследователи рассматривали США как гаранта европейской безопасности именно в связи с их способностью своим присутствием предотвратить серьезные конфликты между ведущими европейскими странами. Правда, этот подход никак не согласуется с ведущей идеологической концепцией в области внешней политики США, гласящей, что демократические страны не воюют друг с другом.

Эта концепция связывается с теорией Э. Канта и идеями В. Вильсона о мировом порядке. Данная традиция в области коллективной безопасности имеет много продолжателей. Соблазнительной кажется идея положить конец страхам перед жесткими формами конкуренции великих держав путем создания международного консенсуса на основе общей ответственности в деле поддержания мира и безопасности. Однако исторические попытки применить подход Канта и Вильсона – сделать обязательства по коллективной безопасности принципиальной основой системы взаимоотношений независимых государств – обычно были безуспешными. Мартин Уайт, выдающийся английский историк в области международных отношений, считал, что В. Вильсон представил ложную альтернативу балансу сил и что сообщество независимых государств – химера. По его убеждению, поскольку конфликты интересов между организованными группами непре-

одолимы как внутри государств, так и на международной арене, единственный принцип, который нужно поддерживать – это равномерное распределение влияния. Альтернатива этому – либо всеобщая анархия, либо всеохватывающее господство (цит. по: 13, с. 286). Однако споры по этой проблеме все еще ведутся и, возможно, будут продолжаться не один десяток лет. Несмотря на широкое распространение в Европе космополитических идей и попытки приспособить их к НАТО, европейцы в настоящее время вынуждены смириться с наличием гегемона в мировом сообществе. Но у Европы и США есть сейчас разногласия в НАТО не потому, что Европа слаба, а Америка сильна, а потому, что люди за пределами США полагают, что американцы могут употребить свое могущество не на благо всего человечества, а преследуя свои собственные цели. И вообще, способна ли страна, располагая неограниченным влиянием и беспрецедентными военными возможностями, не злоупотреблять ими?

Целый блок научной литературы посвящен вопросам расширения НАТО и ЕС. Для нас сейчас интересно рассмотреть вопрос о взаимосвязи процессов расширения НАТО и ЕС, а также об их соответствии внешнеполитическим целям США. Существует три группы причин, которые могли бы побудить государства – члены ЕС (и сам ЕС) выступать за разработку среднесрочной стратегии в отношении дальнейшего расширения НАТО. Первая группа причин связана с интересами самого ЕС – это вопросы безопасности его членов. Во-вторых, существуют важные военные причины, касающиеся жизнеспособности самого Альянса, которые диктуют необходимость соблюдения осторожности в определении условий дальнейшего расширения. В-третьих, в более широких европейских рамках текущая политика должна соответствовать увеличению числа желающих вступить в организацию, в перспективе включая Россию.

По поводу первого ряда аргументов следует отметить, что Европа стоит на пороге важных политических процессов, и расширение Евросоюза будет происходить в течение ближайших лет. Однако расширение обеих организаций не координируется, а то, что они приняли решение о своем расширении в 1997 г. – простое совпадение. В ближайшее время станет ясным, сможет ли Общеευропейская политика в сфере безопасности и обороны (ОЕПБО) развиваться на основе сотрудничества с НАТО или нет.

Такое сотрудничество США считают необходимым предварительным условием для того, чтобы европейские силы быстрого реагирования могли использоваться действенным образом. Американцы уверены, что, если будет происходить строительство системы безопасности в рамках Евросоюза, у Европы нет альтернативы сотрудничеству с Вашингтоном и институтами НАТО. Но одновременно США не исключают, что развитие ОЕПБО может быть полезным и для НАТО в плане активизации реформ внутри Альянса в области планирования обороны, статуса европейского командования и взаимоотношений с европейскими государствами, не являющимися членами организации, во время проведения операций, не подпадающих под действие ст. 5 Вашингтонского договора. Некоторые исследователи полагают, что ОЕПБО может стать средством европеизации НАТО (7, с. 101). И на самом деле, в то время как США ведут войну с терроризмом и распространяют свою модель демократии в глобальном масштабе, у европейцев появляется надежда на то, что будет возрастать их собственная ответственность за судьбу континента.

Развитие ЕС как института безопасности происходило в течение последних десяти лет. Маастрихтский договор 1991 г. создал шаткий баланс между французской позицией, направленной на развитие политики безопасности посредством придания большей значимости ЕС, и британским подходом, заключающимся в усилении Западноевропейского союза при тесном взаимодействии с НАТО. Петербургская декларация ЗЕС от июня 1992 г. способствовала поддержанию равновесия, ограничивая масштабы европейской обороны деятельностью по урегулированию кризисов и признавая, что и НАТО может выполнять ту же миссию, и одновременно поддерживая развитие сил двойного назначения внутри НАТО, что позволило бы использовать их под любым командованием – европейским или натовским.

Общеввропейская политика в сфере безопасности и обороны зависит от НАТО из-за финансовых ограничений и лимитированных военных возможностей. В долгосрочной перспективе для ЕС может стать желательным создание военных сил, сопоставимых с НАТО, которые будут дублировать ее ресурсы и структуры. Но пока дебаты вокруг этого вопроса не ведутся. Пока Европа не в состоянии развивать ОЕПБО в противовес НАТО.

В ближайшем будущем создающиеся вооруженные силы в рамках ЕС не смогут выполнять глобальные задачи независимо от Соединенных Штатов. Вследствие этого руководители ЕС не рассматривают сценарии «с дистанционным управлением», в сферу их внимания входят лишь те операции, что проводятся на расстоянии 6 тыс. км, 4 тыс. км, 2 тыс. км от Брюсселя. На большем удалении находятся часть территории Афганистана и Центральной Азии и часть Демократической Республики Конго (7, с. 102). Однако ЕС не собирается заниматься лишь поддержанием мира. Чтобы быть серьезным и эффективным, военный институт должен иметь возможности для действий по насильственному разведению конфликтующих сторон, оказанию помощи гражданскому населению (гуманитарные и эвакуационные мероприятия) и превентивному развертыванию сил. В глобальном масштабе самостоятельное проведение операций отдельно от НАТО сейчас невозможно, поэтому аналитики из ЕС считают, что ОЕПБО будет сконцентрирована на усилиях внутри или вокруг Европы. Однако складывается впечатление, что в обозримом будущем даже операции на юго-востоке Европы будут невозможны для ЕС без риска тяжелых потерь в отсутствие поддержки НАТО. Поэтому ЕС будет заинтересован в сотрудничестве с НАТО и Вашингтоном, хотя это не означает, что Евросоюз в военном отношении всегда будет играть подчиненную роль по отношению к Соединенным Штатам и атлантическим структурам.

Из вышеизложенного следует, что военные аналитики НАТО будут участвовать в подготовке операций, проводимых европейскими воинскими формированиями. В тех случаях, когда эти операции будут развиваться неудачно, европейцы обратятся к помощи НАТО. Безусловно, это вызовет недовольство Парижа, однако в противном случае Соединенные Штаты могут угрожать дистанцированием от Европы. Американцы будут доказывать, что альтернативой может стать только увеличение расходов стран ЕС на оборону.

Как известно, НАТО заняла принципиальную позицию, заключающуюся в том, что соображения военного порядка новых членов Альянса являются второстепенными по отношению к политическим. Это может привести к ослаблению военной структуры организации, что в принципе способно подтолкнуть НАТО и ЕС к более тесному сотрудничеству в вопросах бе-

зопасности. Но это произойдет только в том случае, если европейцы поверят в наличие серьезной угрозы для самих себя.

Американцы справедливо указывают на такие недостатки организации вооруженных сил стран ЕС, как слабость командных и контролирующих функций, замедленность процессов принятия решений, что препятствует четкому и быстрому проведению военных операций, но они недооценивают твердую решимость ЕС иметь свои боевые подразделения. Сами США одним из вариантов считают возможность руководства вооруженными силами ЕС одной страной, что обеспечит оперативность управления. Возникает вопрос о том, какой стране это поручить. Но, даже независимо от выбора страны, при таком способе руководства вооруженные силы уже не будут являться силами ЕС. Рассматривая отношения ЕС и НАТО, нельзя не отметить, что Евросоюз развивался в относительно благоприятных условиях, когда большинство его членов находились под коллективной защитой НАТО. Некоторые западные исследователи, например Д. Йост (13), считают, что только США могут защитить интересы членов ЕС и западной экономики в целом за пределами Европы. И здесь еще раз встает вопрос о том, насколько американское видение угроз совпадает с реальными угрозами, как их понимают сами страны ЕС.

Вероятно, правы те исследователи, которые утверждают, что при решении вопросов, касающихся сферы внешней политики и безопасности, странам ЕС мешают не столько недостаточность возможностей или отсутствие консенсуса, сколько несогласованность действий. Если ЕС и может сохранить сплоченность, то это могло бы произойти не на «коммунитарной», а на «директивной» основе. Однако представляется, что теоретически эффективности ЕС во внешнеполитической деятельности и в вопросах обеспечения безопасности возможно было бы добиться только при особых условиях, например, если бы НАТО прекратила свое существование. ЕС мог бы стать основным многонациональным институтом безопасности в Европе. Таким образом, в гипотетическом плане альтернатива НАТО могла бы быть реальностью при наличии, во-первых, политической воли самих европейцев и, во-вторых, в отсутствие противодействия со стороны США. До сих пор усилия ЕС по разработке Общеввропейской политики в области безопасности и обороны (ОЕПБО) были заметными скорее в декларативном

плане, чем в сфере создания дополнительных возможностей в военной области и активных действий. Нужно также отметить, что ОЕПБО не предусматривает обеспечения коллективной обороны, поскольку для членов ЕС, входящих в НАТО, эти вопросы относятся к сфере ответственности НАТО. В ЕС речь идет о гуманитарных миссиях, операциях спасения, о решении задач по поддержанию мира, использовании вооруженных сил во время урегулирования кризисов и т. д.

Негативные последствия нарушения равновесия в сфере военных возможностей могут быть усилены растущими расхождениями в оценке и определении масштаба задач безопасности, стоящих перед атлантическим сообществом. Разногласия между союзниками возникли в отношении дальнейших шагов в ходе антитеррористической кампании, а именно с тех пор, как президент Буш причислил Иран, Ирак и Северную Корею к «оси зла». Кроме того, представляется, что члены НАТО еще не достигли консенсуса в отношении того, что ее главной задачей является борьба с терроризмом в контексте угрозы распространения оружия массового поражения. На это, в частности, обращают внимание Зб. Бжезинский и Д. Йост. Как указывалось выше, европейцы не разделяют некоторые оценки угроз и такое определение главной задачи НАТО, а также не расположены принимать участие в рискованных операциях. Такие американские идеологи, как Зб. Бжезинский считают, что в Ираке следует повторить то, что было сделано в Афганистане. Организация Североатлантического договора должна быть представлена в Ираке коллективно, включая немцев и французов. Зб. Бжезинский пытается заинтересовать в этом европейцев, доказывая им, что тем самым они будут иметь гораздо большее влияние на американскую политику на Ближнем Востоке (цит. по: 13, с. 59). Как известно, многие европейцы, в свою очередь, обвиняют американцев в склонности к односторонним действиям и увлеченности своим военным превосходством. Пол Вулфовиц, обращаясь к министрам обороны стран НАТО, сказал, что Соединенные Штаты не очень заинтересованы в использовании натовских структур, а также не планируют опираться на вооруженные силы европейских государств. Какое-то время складывалось впечатление, что США скорее склоняются к созданию временных коалиций (6, с. 527). Имея в виду такую позицию США, немецкий политолог В. Линк говорит о тенденции к

изменению мировой конфигурации. Он пишет о возникновении новых спонтанных группировок не только в рамках антитеррористической коалиции, но и среди государств, определяющих международную политику по вопросам мирового порядка. Однако Линк считает, что группировкам, куда будут входить США и их союзники, стремящиеся к созданию гегемонистско-имперского порядка, будут противостоять конкурирующие с ними державы: Франция, Германия, Россия и Китай, которые стремятся создать многополярный мир (2, с. 61). С. Хоффманн замечает, что американцы по своему усмотрению будут выбирать своих «клиентов», а из массы международных норм и соглашений – те, которые считают необходимыми для поддержания международного порядка (8, с. 1033).

Однако в последнее время наметился отход от этой линии. Наблюдается стремление США использовать ресурс НАТО для осуществления своей стратегической линии. Для этого им необходимо адаптировать организацию к новым требованиям безопасности. Они выступают за осуществление широкой передачи военных технологий европейским союзникам, а последних пытаются убедить в необходимости направить большие суммы на военные нужды и согласиться принять новое определение задач НАТО в сфере безопасности. Формально Вашингтон демонстрирует положительное отношение к созданию системы безопасности в рамках ЕС, надеясь, очевидно, привязать будущие европейские силы к своим глобальным планам и нейтрализовать разногласия с Евросоюзом.

Зб. Бжезинский также говорит о необходимости изменения НАТО с целью ее адаптации к реалиям Европейского союза (1, с. 60). Речь идет о структурных изменениях в НАТО, которые необходимы потому, что вскоре 26 государств-членов официально будут принимать решения совместно, но в действительности весьма асимметричным образом. Для Зб. Бжезинского суть адаптации НАТО заключается в признании европейцами за Альянсом права отстаивать интересы своих членов (и прежде всего США) за пределами Афганистана, Ирака и Ближнего Востока. Зб. Бжезинский хотел бы привлечь возможности Европы для осуществления грандиозных геополитических планов Америки. Он призывает Европу отказаться от заботы о безопасности только в близлежащих регионах (1, с. 60). Зб. Бжезинский считает более рациональным для США отказаться от политики од-

носторонних действий, которая была провозглашена осенью 2001 г. Целый ряд американских исследователей разделяет его мнение, например, Дж. - Стейнберг и Р. Асмус (12, с. 140; 4, с. 28). Складывается впечатление, что в последнее время намечается некоторый отход США от заявленной политики «временных коалиций» в сторону использования возможностей, предоставляемых НАТО. В настоящее время Альянс обеспечивает не очень заметную и к тому же непрямую поддержку многонациональных сил в центральной зоне Ирака, общее командование которыми осуществляют польские военные. Государственный секретарь К. Пауэлл призвал НАТО играть более активную роль в послевоенном обустройстве Ирака. Эту позицию разделял и Дж. Робертсон, еще будучи на посту Генерального секретаря НАТО. Что касается Афганистана, Вашингтон также настаивает на широкомасштабном присутствии НАТО в этой стране. США пытаются привлечь атлантических союзников к решению собственных проблем безопасности.

Расширение НАТО является процессом, объективно благоприятным для осуществления геостратегических планов Вашингтона. Европейцы в свою очередь стараются извлечь из него выгоды. Все они, за исключением, возможно, Великобритании, надеются, что этот процесс будет способствовать окончательной нейтрализации влияния России и скорейшему распространению их влияния на территории новых членов НАТО. Германия предполагает максимально приблизить к себе Польшу, Чехию, Венгрию и страны Балтии. Она, конечно же, претендует на втягивание Болгарии, Словении и Хорватии в орбиту своей политики, но пока ей это не очень удается в связи с дипломатическим противодействием Великобритании, Ватикана и Франции. Последняя всячески поддерживает Румынию. Однако представляется, что европейцы напрасно рассчитывают на осуществление своего влияния в странах Восточной Европы посредством использования механизма НАТО, ибо, оказавшись в организации, эти страны становятся не приватными союзниками западноевропейцев, а объектами влияния США. Европейские члены Альянса не спешат вкладывать необходимые средства в модернизацию армий восточноевропейских стран. Чаще речь идет о создании объектов слежения, авиабаз и т.д. Только США в состоянии направить огромные суммы на усовершенствование военно-технической базы армий новых членов организации. Вот почему страны Восточной Ев-

ропы ускользают из зоны влияния западноевропейских членов НАТО и становятся политическими партнерами США. Об этом пишет целый ряд исследователей, например Р. Херцингер (3, с. 80).

Уже сейчас становится очевидным процесс использования американцами новых и будущих членов НАТО как противовеса западноевропейским союзникам. В эту игру уже вовлечены такие государства, как Польша и Украина. Некоторые страны постсоветского пространства готовы предоставить добровольцев для военных операций НАТО. И эта тенденция будет углубляться. Сейчас с помощью стран НАТО, и прежде всего США, создаются боеспособные части в Азербайджане, Армении и Грузии. Вашингтон, безусловно, заинтересован в более или менее быстрой интеграции в НАТО стран Восточной Европы, а в перспективе и ряда государств Центральной Азии и Закавказья, что соответствует геостратегической направленности внешней политики США.

В то же время можно предвидеть, что по мере роста самосознания в восточноевропейских странах усилится их ориентация на ведущие западноевропейские государства. Во многом это будет объясняться притягательностью для них моделей капитализма, в которых сильна социальная составляющая, а также их ощущением причастности к европейским ценностям. Нельзя полностью отменить возможность усиления пророссийских настроений в славянских странах Европы. Однако это касается перспективы, а в настоящее время продолжается процесс адаптации НАТО к новым реалиям, и представляется, что США и в дальнейшем будут стремиться использовать новый трансформированный Альянс для упрочения своего влияния на глобальном уровне.

Список литературы

1. Бжезинский Зб. Европейцы – в Ирак! Будущее трансатлантических отношений // Intern. Politik. – М., 2003. – N 4. – С. 49–61.
2. Линк В. Имперский или плюралистический мир? В защиту политики сбалансированного сотрудничества // Там же. – № 3. – С. 55–67.
3. Херцингер Р. Сиамские близнецы. Америка и Европа спорят всюю и все же неразрывно связаны друг с другом // Там же. – С. 78–87.
4. Asmus R.D. Rebuilding the Atlantic alliance // Foreign affairs. – N.Y., 2003. – Vol. 82, N 5. – P. 20–31.

5. Cox M. American power before and after 11 September: Dizzy with success? // Intern. affairs. – L., 2002. – Vol. 78, N 2.– P. 261–276.
6. Cox M. Martians and venutians in the new world order // Ibid. – 2003 – Vol. 79, N 3. – P. 523–532.
7. Croft S. Guaranteeing Europe’s security? Enlarging NATO again // Ibid. – 2002 – Vol. 78, N1. – P. 97–114.
8. Hoffmann S. US – European relations: Past a. future // Ibid. – 2003. – Vol. 79, N 5. – P. 1029–1036.
9. Isenberg A.L. Last chance: A roadmap for NATO revitalization // Orbis. – Philadelphia, 2002. – Vol. 46, N 4. – P. 641–659.
10. Menon R. The new great game in Central Asia // Survival. – L., 2003. – Vol. 45, N 2. – P.187–204.
11. Nye J.S., jr. The American national interest and global public goods // Intern. affairs. – L., 2002. – Vol. 78, N 2. – P. 233–244.
12. Steinberg J. B. An elective partnership: Salvaging transatlantic relations // Survival. – L., 2003. – Vol. 45, N 2. – P.114–145.
13. Yost D.S. Transatlantic relations and peace in Europe // Intern. affairs. – L., 2002. – Vol. 78, N 2. – P. 277–300.